

Лосев А. Ф. Классицизм : конспект лекций по эстетике Нового времени // Лит. учеба. 1990. № 4. С. 139—150.

Лотман Ю. М. Русская поэзия начала XIX века // Поэты начала XIX века. Л., 1961. С. 5—112.

Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003.

Пашкуров А. Н. Жанрово-тематические модификации поэзии русского сентиментализма и предромантизма в свете категории Возвышенного : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2005.

Теория литературы : учеб. пособие для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. Т. 1 : Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / под ред. Н. Д. Тamarченко. М., 2004.

Терпугова Т. Г. Ценности культуры Просвещения в английском романе XVII—XVIII веков. Челябинск, 2005.

Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994.

Флоровский Г. А. Пути русского богословия. Париж, 1983.

УДК 821.161.1.07 + 801.73

Р. А. Шаяхметов

О СМЫСЛЕ ДУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ «ОНЕГИН — ЛЕНСКИЙ» В РОМАНЕ В СТИХАХ А. С. ПУШКИНА

По плану Пушкина песнь вторая «Евгения Онегина» могла называться «Поэт». Задуманная линия сюжета скорее всего продолжала замысел первой песни, сочиненной Пушкиным одним порывом (из его письма А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г.: «...на досуге пишу новую поэму, “Евгений Онегин”, где захлебываюсь желчью. Две песни уже готовы» [Пушкин, 1979, т. 10, с. 62]). Возможно, «Поэт» представлял публике взгляд Пушкина на осмеянный им «карамзинский» стиль (русский сентиментализм), соответствующий ему типаж стихотворца и типичные стихотворения. Онегин, который «не мог... ямба от хорея, как мы ни бились, отличить», являлся полной противоположностью «Поэту».

Ю. М. Лотман полагал, что, «видимо, по первоначальному замыслу споры энтузиаста Ленского и скептика Онегина должны были составить основное содержание главы. <...> В связи с общим изменением плана второй главы описание споров двух друзей было резко сокращено, строфы, сближающие Онегина с “Демоном”, выпали, отпала необходимость и в иронии в адрес повествователя» [Лотман, с. 599—600]. Самоирония сохранилась в виршах Ленского, пародирующих лицейские опыты автора. Ю. Г. Оксман отмечал по этому поводу: «...поэт наш сообщил отрывкам Ленского, — полагаем, не без намерения, — искру чувства и души и тем отличил их от подражаний другого рода, столь же тяжелых и притом лишенных уже всякой теплоты, от подражаний анакреонтических, какие являлись у нас вместе с оссиановскими элегиями и какими также обнаружилась впервые авторская деятельность самого Пушкина. Не без удивления видим мы вместе с тем, что Пушкин гораздо позднее возвратился к стихам Ленского и взял от них отчасти мысль, которая является в знаменитой пьесе: “Безумных лет угасшее веселье”»:

Но не хочу, о други, умирать...

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;

но уже какое необъятное пространство лежит между первым опытом Ленского и последней формой, данной его мысли Пушкиным в 1830 году» [Оксман, с. 45].

Что могло побудить поэта изменить свой замысел?

Как убедительно было показано [Мейер, 2004], для первых читателей роман «Евгений Онегин» (особенно первая песнь) ассоциировался с нашумевшей пьесой князя А. А. Шаховского «Не люблю — не слушай, а лгать не мешай» (1818). В ней шестикратно упоминалась фамилия Онегин, но без появления персонажа на сцене. Его вывел из тени, буквально воплотил Пушкин. Не случайно пушкинский Онегин стал «театра злой законодатель», «почетный гражданин кулис», причем сам театр, по аттестации автора, — это «волшебный край», где «вывел колкий Шаховской своих комедий шумный рой».

Хольт Мейер обнаружил «поразительные совпадения в развитии действия». Вот два из них:

В обоих произведениях поездка к дяде (или к тете) служит завязкой действия. Зарницкин выдает свою тетушку за покойницу («Он тетушку свою заочно уморил»), а затем едет к ней и к своему дяде. Онегин также едет к своему больному дяде и думает про себя: «Когда же черт возьмет тебя?» (гл. 1, строфа I). В обоих случаях решающим является вопрос наследства. У Шаховского роли разделены между тетей и дядей, но в обоих случаях центральную роль играет пожелание смерти родственнику/родственнице, от которого/которой должно достаться герою наследство. Как Онегин, так и Зарницкин едут в деревню, чтобы на месте осмотреть результаты своего «убийства за письменным столом». И тут становится явной принципиальная разнонаправленность ориентаций: желание Онегина тут же исполняется, в то время как словам лгуна Зарницкина отказано во всякой референции и в конечном счете во всякой действительности. Эта просветительская комедия оставляет «действительности» еще относительно неприкасаемые права: лгун Зарницкин должен уступить поле боя. В «Онегине» власть («судьбоносность») слова и имени явно возрастают.

Кроме того, в обоих произведениях именины приводят в действие пружину катастрофы. Именины тетушки Марфы Романовны Хандриной сводят вместе тех людей, которые разоблачают Зарницкина как афериста, — с помощью послания Онегина. Лживые построения Зарницкина рушатся прежде всего потому, что на празднестве появляется собственной персоной княгиня Лидина (с которой, как уверял Зарницкин, он знаком). Сходную роль играют именины Татьяны по отношению к смертоносной дуэли Ленского с Онегиным. Более того, «пусковая роль» Татьянинных именин может рассматриваться не только как аналог, но и как реализация «победы правды» у Шаховского. Здесь же следует упомянуть имплицитную силу самого имени, которая воплощается в событиях образующем овременении (именины — день имени) [Мейер, 2004, с. 274—275].

К ценным наблюдениям Мейера нужно добавить следующее. Одно из черновых имен «Поэта» (*Владимир Холмской*) переносит читателя к иной комедии А. А. Шаховского — «Урок кокеткам, или Липецкие воды». «Появившаяся 23 сентября 1815 г., — пишет

А. Л. Слонимский, — [комедия] задевала все молодое поколение дворянства. Испорченности дворянского общества новой формации, создавшейся в период европейских войн, противопоставлялась добрая патриархальная традиция в лице честного Пронского и резонера кн. Холмского» [Слонимский, с. 26]. В лицейском дневнике от 17 декабря 1815 г. Александр Пушкин записывает: «Князь Холмский, лицо не действующее, усыпительный проповедник, надутый педант — и в Липецк приезжает только для того, чтобы пошептать на ухо своей тетке в конце пятого действия» [Пушкин, т. 8, с. 15]. Следовательно, для Пушкина Холмский и Онегин связывались многими общими деталями (Шаховской, незначительность, проезд, тетка). В то же время «Липецкие воды» для пушкинского круга были особо значимы: комедия Шаховского послужила причиной создания «Арзамаса».

Хвастовство Зарницкина, главного лица «комедии в одном действии, в вольных стихах» (как определил ее сам Шаховской), детали сюжета (долгое пребывание за границей и др.), само название «Не любо, не слушай, а лгать не мешай» — это прямая отсылка зрителя к переложению Н. П. Осиповым приключений барона Мюнхаузена, написанных Г. А. Бюргером (1786) и вышедших в 1818 г. пятым изданием. В «Евгении Онегине» фамилия Зарецкий, возможно, трансформация *Зарницкина*.

Фамилия «Поэта» *Ленский* взята из другой пьесы 1818 г. — «Притворная неверность» А. С. Грибоедова и А. А. Жандра. Холодный, хладнокровный Ленский у Александра Сергеевича Грибоедова характером больше *лед, чем пламень*; именно о нем строчки: «Всех рады осмеять вы для своей забавы, / И непростительно как злы и как лукавы. / Ужасный человек!» (явление XV).

Почему же все-таки не *Владимир Холмской*?

Обратимся к черновому наброску. И. М. Дьяконов по этому поводу писал:

Ленского в плане и в замыслах не существовало — по крайней мере под этим именем. Он является в романе только рычагом драматического конфликта. Таким подчиненным персонажам Пушкин не обязательно давал реальный «опорный образец», и скорее всего

в предполагаемом плане стояло просто «Поэт» (ср. «Монах», «Старик»). Но вот в октябре 1823 г. 1-я глава кончена, начата 2-я глава, и Пушкин приступает к ее строфе VI (VI, 267): «В числе соседей благородных Один» — строка оборвана. Это будущий Ленский. Но он еще не Ленский и не приехал из Германии, а просто живет тут, недалеко от имения Онегина. Текст зачеркивается. Новый текст: «С Онегиным [в одну же пору] одной порою» — и эта строка вся зачеркнута. «В свою деревню в <пропуск> пору / Другой помещик [молодой] [прискакал] Владимир Холмской». Тут же исправлено на «Владимир Ленской» — вот где впервые появляется это имя. Затем «Владимир Ленской» тоже зачеркивается, и Пушкин начинает упорно трудиться над строками, которые позже вылились в знакомые: «И столь же строгому разбору / В соседстве повод подавал»; и далее уже без помарок: «По имени Владимир Ленской, / Душою школьник геттингенской, / Крикун, мятежник и поэт» и т. д. [Дьяконов, с. 83—84].

В наши дни Ленской звучит с подтекстом, с дворянским прононсом на ...ской, но и без ироничного смеха автора. Скрыта издевка в *Ленской*, сложении *благородный Один*. Ведь они — да, помещики, да благородных кровей, но незаконнорожденные, с усеченной фамилией отца (ср.: *Бецкой* < *Трубецкой*; *Умянцев*, *Мянцев* < *Румянцев*; *Те*, *Темкин* < *Потемкин*): *Один* < *Погодин*, *Бородин*; *Ленский* < *Оболенский* либо, как писала А. О. Смирнова-Россет, «Ленский, незаконный сын Фомы Лубенского», на что указал Ю. М. Лотман, подтверждая то, что «фамилии типа Ленский или Волгин могли появляться как искусственные (у артистов, незаконных детей)» [Лотман, с. 544].

Фамилиям бастардов *Ленской*, *Один* отзвучен *Евгений*, буквально *благородный* (из греч.). Для современников Пушкина, как отмечал Ю. М. Лотман, в имени *Евгений* не был звук пустой, оно «воспринималось как значимое и было окружено ярко выраженным смысловым и эмоциональным ореолом»: «Начиная со второй сатиры А. Кантемира, Евгений (греч. “благородный”) — имя, обозначающее отрицательный, сатирически изображенный персонаж, молодого дворянина, пользующегося привилегиями предков, но не имеющего их заслуг; ему противопоставлен у Кантемира Филарет — “добродетельный”, незнатного происхождения, но герой и патри-

от... (близок к образу Владимира Ленского. — *Р. III*). Сатирический образ щеголя-дворянина дается также в романе А. Е. Измайлова “Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и общества” (ч. 1—2, 1799—1801). В моралистической литературе XVIII в. “Евгений” — это благородный, утративший душевное благородство. <...> Литературная семантика имени “Евгений” была сатирической и расходилась с бытовой. Здесь “Евгений” воспринималось как в известной мере “монашеское” имя, которое давалось при пострижении в замену таких имен, как Ефимий, Евстигней и др. Ср. игру этими двумя смысловыми оттенками в письме П. к Вяземскому 7 ноября 1825 г.: “Архиерей отец Евгений принял меня как отца Евгения” (XIII, 240). Здесь двойное противопоставление: отец (духовный) — отец (автор), Евгений (“монашеское имя” в бытовой традиции) — Евгений (“сатирическое” имя в литературе) [Лотман, с. 543].

С тем же концептом благородного происхождения появляется имя *Евгений* в «Медном Всаднике»: «Оно / Звучит приятно; с ним давно / Мое перо к тому же дружно. / Прозванья нам его не нужно. / Хотя в минувши времена / Оно, быть может, и блистало / И под пером Карамзина / В родных преданьях прозвучало; / Но ныне светом и молвой / Оно забыто» [Пушкин, 1977, т. 4, с. 277].

Противопоставление «Евгений Онегин — Владимир Ленский» выражалось прежде всего контекстом благородного происхождения — б а с т а р д, а не интертекстуальностью, как в случае, если б Поэт стал называться, по Шаховскому, *Холмским*.

Незаметное изменение фамилий Поэта (*Один, Холмской, Ленской*) отображало выбор пути развития сюжета. От домоседов к геттингенцу, с оппозицией по благородности происхождения и отсылкой к Шаховскому. Противопоставление по благородности, полагаем, результат не осознанной самим автором проекции психологических травм, нанесенных ему в детстве: отсутствие родительской любви, африканская внешность, слухи о происхождении от негра-раба). Отторжение обществом из-за его внешности (ср.: «— Каков арапчик! — Да зато не рябчик!»; лицейское прозвище *Обезьяна*). Низкий социальный статус (например, его камер-юнкерство; в дневнике от 1 января 1834 г. Пушкин записывает: «Третье-

го дня я пожалован в камер-юнкеры, что довольно неприлично моим летам. <...> Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством. Доволен, потому что государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным...» [Пушкин, 1978, т. 8, с. 27]). Вечная бедность, долги. Сплетни высшего света (*пал, оклеветанный молвой*), ранившие с детства рассказы об его прадеде, об его рабском происхождении («куплен за бутылку рома шкипером», 1830). Роман, начавшийся как противопоставление (высшему) обществу, его условностям и Евгения (*alter ego* автора, по мнению современников, хотя и отрицалось самим Пушкиным, более того, автобиографические черты нещадно вымарывались, оставаясь в черновиках), во второй главе, возможно, поднял из глубин души автора его подосзнательные, идущие с детских лет обиды («Каков арапчик!»).

С этой точки зрения понятно, почему на полях рукописи (ЕО, VI, 287) в ноябре 1823 г. (в октябре 1823 г. была начата 2-я глава) Пушкин непроизвольно изобразил себя арапчонком [см.: Пушкин, 1996, с. 27].

В свете всего вышесказанного и Онегин, и Ленский могут быть поняты как отражение «я», внутреннего мира Александра Сергеевича Пушкина.

Дьяконов И. М. Об истории замысла «Евгения Онегина» // Пушкин : исслед. и материалы. Т. 10. Л., 1982. С. 70—105.

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» : комментарий : пособие для учителя // Лотман Ю. М. Пушкин : биография писателя; Статьи и заметки, 1960—1990; «Евгений Онегин» : комментарий. СПб., 1995. С. 472—762.

Мейер Х. «Онегиных есть много» : имя-цитата в качестве «закладки» и перформативного повторения // Пушкин : исслед. и материалы. СПб., 2004. Т. 16—17. С. 259—284.

Оксман Ю. Г. Легенда о стихах Ленского : (из разысканий в области пушкин. печат. текста) // Пушкин и его современники : материалы и исслед. Вып. 37. Л., 1928. С. 42—67.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. 4-е изд. Л., 1977—1979. Т. 4, 8, 10.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. Т. 12 : Критика. Автобиография. М. ; Л., 1949.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 19 т. Т. 18 (дополнительный) : Рисунки. М., 1994—1996.

Слонимский А. Л. Пушкин и комедия 1815—1820 гг. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 2. М. ; Л., 1936. С. 23—42.

УДК 821.161.1-145

С. В. Рудакова

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Е. А. БОРАТЫНСКОГО

Анализируя колористическую систему творчества поэта, мы можем глубже проникнуть в суть художественного целого, полнее осознать особенности художественного сознания автора. Каждому художнику слова, как и живописцу, присущи определенные повторяющиеся цветовые образы, особая цветовая гамма. Сам выбор цветовой палитры обусловлен особенностями мировосприятия поэта, подчинен его стремлению создать свой особенный художественный мир, который должен стать средством выражения определенных мыслей и чувств. По этой причине колористическая система поэтических произведений не всегда совпадает с цветовыми приметами тех природных реалий, которые изображает автор.

Цвет, рассмотренный как элемент искусства, «может быть использован для содействия высшим целям» [Гете, с. 311], ибо видение мира в цвете — одна из наиболее ярких человеческих возможностей. Не являясь самоцелью, но будучи выделяющимся признаком отдельных явлений реального мира либо опознавательным знаком какой-либо константы мира воображаемого, цвет представляет собой одно из средств воссоздания в художественном творении окружающей действительности. Кроме того, по мнению С. М. Эйзенштейна, в поэзии цвет есть «органичное средство выражения настроений и чувств», а через них — ценностной ориентации в мире [Эйзенштейн, с. 560].